

Где находится город NN?

Вы никогда не задумывались над тем, где примерно расположен губернский город NN, в котором начинается действие “Мёртвых душ”? И можно ли определить его примерное месторасположение?

Можно!

И ключом к расшифровке стал разговор двух русских мужиков.

“Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” – “Доедет”, – отвечал другой. “А в Казань-то, я думаю, не доедет?” – “В Казань не доедет”, – отвечал другой. Этим разговор и кончился.

1. Итак, город NN расположен в великорусском “регионе”.

2. Точка, в которой находится город NN, обретается ближе к Москве, нежели к Казани.

3. Соединяем прямой линией Москву и Казань и делим эту прямую пополам.

4. Затем восстанавливаем перпендикуляр из центра линии Москва – Казань. Таким образом, всё, что находится на западе от восстановленного перпендикуляра, будет ближе к Москве, а всё, что восточнее, – ближе к Казани.

Напомним, это пространство есть пространство великорусское. Уже что-то!

5. Однако у Гоголя есть и ещё одна подсказка. И даёт он её, описывая пейзаж, открывшийся глазам Чичикова на пути к имению Манилова – “Маниловке”: “Едва только ушёл назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор”.

Узнаёте? Это северный пейзаж, знакомый всякому, едущему из Москвы в Питер. Скорее всего, в Тверской губернии. Тем более что сам Гоголь отмечает в главе 10-й, “что **город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц**”. Может быть, это даже город Весьегонск с его просторной тюрьмой, который приходит на ум Чичикову, составляющему список купленных им мёртвых душ.

Когда происходит действие “Мёртвых душ”?

Может быть, ваш покорный слуга судит исключительно по себе, расписываясь в собственной невнимательности и механическом усвоении текстов, однако всегда казалось, что действие “Мёртвых душ” происходит в эпоху Нико-

лая Павловича. Да и то: первый том поэмы вышел-то в 1842 году. Однако при внимательном чтении, которого нам чаще всего так недостаёт, выясняется, что афера Чичикова может быть и должна быть датирована значительно ранее. И ответ на вопрос, когда именно, можно найти частично в 8-й и, главным образом, в 10-й главах.

Начнём издалека. Вот рассуждения чиновников города NN относительно будущего новоявленных и воскресших чичиковских мужиков.

“Многие предложили свои мнения насчёт того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военной жестокостью и строгостью, едва ли не излишнюю; были, однако же, и такие, которые дышали кротостью. Почтмейстер заметил, что Чичикову предстоит священная обязанность, что он может сделаться среди своих крестьян некоторого рода отцом, по его выражению, ввести даже благодетельное просвещение, и при этом случае отозвался с большою похвалою об Ланкастеровой школе взаимного обучения”.

Насчёт “военной жестокости” – это явный намёк на военные поселения графа А. А. Аракчеева. Проект, прямо скажем, грубо оболганный, однако получивший “дурную прессу” на все последующие века. А это – александровские времена. Да и мода на Ланкастерову систему также приходится на это время.

Однако читаем далее. “Повесть о капитане Копейкине”. “Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу”. Судя по рассказу почтмейстера, с момента получения тяжёлых увечий до приезда капитана в Петербург прошло совсем немного времени, а после очередного и безуспешного визита в высокие кабинеты капитан был свезён с фельдъегерем к себе домой. Однако “не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, не кто другой...”

Возникает вопрос: “А сколь долго мог партизанить в рязанских лесах капитан Копейкин?” Явно не двадцать лет! Так что опять речь идёт об александровских временах.

Но кажется, Гоголю этого мало, и он даёт нам ещё одно указание-метку: “Наполеон”. Как известно, померло корсиканское чудовище 5 мая 1821 года. И факт его смерти был официально обнародован.

Однако чиновники задумались, не есть ли Чичиков Наполеон, “снова выпущенный с острова Елены”?

Конечно, англичанка могла распускать заведомо ложные слухи о смерти Бонапарта, дабы создать информационное прикрытие для отправки его под видом Чичикова в Россию. Однако читаем далее: “... город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц. Впрочем, нужно помнить, что **всё это происходило вскоре после достославного изгнания французов**. В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ сделалась по крайней мере на целые **восемь лет** заклатьми политиками. “Московские Ведомости” и “Сын Отечества” зачитывались немилосердо и доходили к последнему тещу в кусочках, не годных ни на какое употребление. Вместо вопросов: “Почём, батюшка, продали меру овса? как воспользовались вчерашней порошей?” – говорили: “А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова?” Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно верили предсказанию одного пророка, уже три года сидевшего в остроге; пророк пришёл неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвёт цепь и овладеет всем миром”.

Так что получается, что действие “Мёртвых душ” происходит именно в начале 20-х годов XIX века. Вот они, парадоксы гоголевской оптики!

Но тогда получается, что Чичиков родился в екатерининскую эпоху и является СТАРШИМ современником Онегина и Чацкого.

Кто бы мог подумать!

Хотя по-житейски всё понятно: писалось в одну эпоху, а действие сознательно переносилось в другую. Однако версия о парадоксах оптики Гоголя интереснее.

Незабвенный Михаил Семёнович (Опыт распознавания образа)

Все мы мним себя человековедами, особенно после прочтения “Мёртвых душ”. И все мы полагаем, что видим героев этой поэмы “насквозь”.

Хе-хе!..

В таком случае позвольте предложить вам один маленький психологический тест.

Вы познакомились с человеком, и он приглашает вас к себе в гости. Как вы полагаете, скажут ли вам что-нибудь о хозяине дома портреты, развешанные на стенах его апартаментов?

Полагаю, ответ будет утвердительным.

А теперь внимание: чьи портреты были развешаны в кабинете незабвенного Михаила Семёновича Собакевича помимо портрета князя П. И. Багратиона? Только не князя Багратиона из “Войны и мира”, а натурального, ходившего с Суворовым через Альпы и писавшего в великой досаде и гневе, что РУССКОМУ человеку и житья в Штабе нету – кругом засилье немецкое (это в самом-то начале Отечественной войны 12-го года!)?

Итак, послунявим палец и найдём нужное нам место в главе V.

Странно: на стенах кабинета Собакевича – сплошь герои Греческой войны за независимость 1821–1829 годов: А. Маврокордато (1791–1865), на момент встречи Собакевича и Чичикова – ещё здравствующий, равно как К. Канари (1790–1877); “Миаули отважный, известный греков командир” (как писал о нём Н. А. Некрасов), отважный спецназовец-диверсант, жегший турецкие военные суда; Бобелина (“Героиня Греции, нашего времени”, известная русскому читателю в том числе и по сочинению Ринальдо-Ринальдини).

“Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу!” Случайно ли они были “тоже похожи на Собакевича?” Вряд ли! Скорее, Собакевич прикупил эти популярные в те времена в России портреты (себе под стать).

Ух ты...

Первая мысль: Собакевич и в зрелые годы оставался верен РЕВОЛЮЦИОННЫМ ИДЕАЛАМ своих молодых лет. Жил бы в те времена Че Гевара, он бы, может, и портрет Че Гевары в кабинете повесил. И тоже с толстыми ляжками. Об этом, кстати, до меня уже кто-то, как на грех, успел написать. Но я бы насчёт “революционных идеалов” выводы делать поостерегся. Ибо хоть и назвали те давние события “революцией”, а была это всё же война за НЕЗАВИСИМОСТЬ Греции. Но не в том суть. Потянем ниточку дальше: а что же это за “Греция” такая без православного креста над Царьградом?

А с чего бы это государь наследник-цесаревич был наречён Константином?

И как быть с вечной российской имперской мыслью о Босфоре и Дарданеллах?

А если потянуть логическую цепочку ещё дальше, то вот вам и готовый лозунг: “Россия от Владивостока до Православного Иерусалима!” Это вам почище лозунга “Европа от Атлантики до Урала!” будет.

Чувствуете ВСЕЛЕНСКИЙ ЗАМАХ и ДЕРЗОВЕНИЕ этого крепкого русского помещика?! А ведь это КРЕМЁНЬ, а не человек!

Ай да Михал Семёныч! А мы-то всё про “Елизаветь Воробей” да “шкаф, говорящий “Я тоже похож на Собакевича”, да лягушку, “сахаром облепленную”, да “бараний бок с гречневой кашей” талдычим!

Так что никакой Собакевич не революционер, хотя отчасти и революционер. Но революционер-ИМПЕРЕЦ. Такой, что самому Николаю Павловичу под стать!

Все уже давным-давно про Царьград забыли, если когда и думали, а он ПОМНИТ.

И ждёт.

И верит. Иначе бы давно портреты сих славных греков со стены поснимал.

Ну, и консерватор по складу ума и характера (“Толкуют: просвещение, просвещение, а это просвещение – фук!” Ну, а о том, что персона сия умна и видит людей насквозь, уж и говорить не приходится.

Так-то вот.

Могут, конечно, припомнить мне знаменитое: "...или грабил бы ты казну!"

Только я в ответ возражу: слова эти произносил про себя Чичиков, меривший людей, в том числе и Собакевича, на свой аршин. И слова его суть слова пройдохи и жулика, то есть ДЕМОКРАТА в высшем смысле и значении этого слова. Чичикова, а не Гоголя!

Вернёмся теперь к ВЕЛИКОМУ ТЕКСТУ. И что же мы в нём в итоге находим-видим?

А видим мы крепкого русского ХОЗЯИНА, сидящего на своём крепком ХОЗЯЙСТВЕ где-нибудь между Вышним Волочком и Весьегонском, человека одинокого, лелеющего в душе своей ВЕЛИКУЮ МЕЧТУ о ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ.

Позвольте, Михал Семёныч, я вас расцелую! Дорогой вы мой человек!

Р. С. Кстати, по известному пророчеству, случится ещё Великая Война, в которой Русская Армия одержит много славных побед и войдёт в Царьград.

Так и видится уже угрюмый танк, на башне которого выведено аршинными буквами: "Борец за ПРАВОСЛАВНУЮ ИМПЕРИЮ Михаил Собакевич!"

ПТИЦА-ТРОЙКА

(ТРИ ЭТЮДА)

I

Две "птицы-тройки"

Кто не помнит гоголевскую "птицу-тройку" – символ Руси!

На теме этой птице-тройки "забуксовал" однажды герой В. Шукшина: "Мчится, вдохновенная Богом! – а везёт шулера. Это что же выходит? – не так ли и ты, Русь?.. Тьфу!.. Мчимся-то мчимся, ёлки зелёные, а кого мчим?"

Возникает и иная ассоциация: Вакула летит на чёрте, чёрт (по некоторым версиям) – Чичиков – на Птице-тройке.

"...Остановился поражённый Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?"

И есть ли что-либо на свете, что способно затмить и оставить на обочине "птицу-тройку"?

Есть. Другая "птица-тройка" – символ Власти.

"Вот я тебя палашом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. – Не видишь, леший дери твою душу: казённый экипаж! – И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка".

"И, как **призрак, исчезнула с громом и пылью** тройка".

"**Призрак**" (синонимы: "тьма", "привидение") – штука нехорошая. Помнится, призрак отца Гамлета – "неуязвим, как воздух", – был приговорён по ночам скитаться, а днём томиться в мучительном серном пламени ("пока греши земной природы не выжгутся дотла").

"Птица-тройка", в которой скачет Чичиков, – "**молния**".

Казённая тройка, исчезающая, словно **призрак**, – "**гром с пылью**".

И несутся обе тройки в противоположные стороны.

Жутковатый образ.

II

Птица-тройка: троичественная оптика

Образ птицы-тройки у Гоголя, по существу, троичен: она и конкретна – Чубарый, Пристяжной, Заседатель, – и в то же время она Символ Руси. Она и от мира сего, и от мира вышнего, и летит, потому что откликается на зов гласа горнего.

Полёт птицы-тройки начинается более чем прозаически: Чичиков спешно покидает город, боясь быть узанным и задержанным. "Бричка между тем поворотила в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревян-

ные заборы, предвещавшие конец города. Вот уже и мостовая кончилась, и шлагбаум, и город назади, и ничего нет, и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке; пешеход в протёртых лаптях, плетущийся за восьмью верст; городишки, выстроенные живьём, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону, и по другую, помещичьи рыдваны; солдат верхом на лошади, ве- зущий зелёный ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерий- ской батарее; зелёные, жёлтые и свежеразрытые чёрные полосы, мелькающие по степям; затянутая вдаль песня, основные верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца...

“Скучно на этом свете, господа!”

И вдруг... Внешний толчок в виде летящего навстречу царёва слуги. Случайный, но и закономерный: “Какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загулять, сказать иногда: “Чёрт поberi всё!” – его ли душе не любить её? Её ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое?”

“Чуждое” – значит **чуждое**, возникающее и проявляющееся вопреки обыденному взгляду на вещи и их привычному ходу. Но и душа должна быть готова к встрече с миром иным, чудесным, иначе останется она целиком и полностью “в мире сем” и чуда не узрит.

Но чтобы открылась иная, “прикровенная”, как сказал бы философ, реальность, нужно одно условие:

“**Не бойся!**”

И вот, “кажись, **неведомая сила** подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит... знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить”.

Да, на Руси всё всерьёз.

“...и что-то **страшное** заключено в сём быстром мельканье, где не успе- вает означиться пропадающий предмет, – только небо над головою, да лёгкие тучи, да **продирающийся месяц одни кажутся недвижны**”.

Всё пришло в движение, и движение это стремительно и **страшно**; пред- меты даже **не успевают означиться и тут же пропадают**”; оно наводит **ужас**: “Только небо над головою, да лёгкие тучи, да продирающийся месяц **одни кажутся недвижны**”, а страна, проносющаяся мимо, “ровнем-гладнем разметнулась на полсвета”, и зовут её Русью.

“**Что значит это наводящее ужас движение?**”

Это не бег, если “предметы даже не успевают означиться и тут же пропада- ют”. Это полёт!

Летит гоголевская птица-тройка, “и **грозно** объёмлет меня **могучее про- странство, страшною силою** отразясь во глубине моей; **неестественной властью** осветились мои очи: у! **какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль!** Русь!...”

“...и **онемела мысль** пред твоим пространством”.

Что **пророчит** необъятный простор, пред которым немеет мысль?

Вот как! Эти пространства не только пугают своей необъятностью, наво- дят священный **ужас**; они ещё и **пророчествуют!**

Мистическое пространство.

Вот и осветились **неестественной властью** очи лирического героя, втя- нутого в него **наводящим ужас** движением.

Страшно? Страшно! Но “боящийся несовершенен в любви”, а “**совер- шенная любовь изгоняет страх**”.

Но то не привычный человеческий страх, а страх какой-то иной природы. Может быть, страх Божий?

“Со страхом Божиим и верой Христу Богу предадимся”.

Но это же необозримое пространство есть в то же время **чудная, незна- комая земле даль**.

Даль “**чудная**”.

Даль, “**незнакомая земле**”.

Что же это за даль? Быть может, “**Новый Иерусалим?**”

“Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и выются около моего сердца? **Русь! Чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами?** Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные **ожидания** очи?..”

Несётся, летит по Руси птица-тройка. Но что это за тройка?

“Чубарый – Пристяжной – Заседатель как символ Руси”, если повторять некогда бездумно заученное?

Вслушаемся заново, вчитаемся, вчувствуемся, наконец, в зазубренный некогда текст: “...что за **неведомая сила** заключена в сих **неведомых светом** конях?”

Неведомая сила неведомых свету (миру) коней.

Ну, уж наверняка это не какая-то особая, выведенная на Руси порода лошадей! Да и “**неведомая сила**” их явно не “лошадиная”.

“...**Заслышали с вышины знакомую песню**, дружно и разом напрягли **медные груди** и, почти не тронув копытами земли, превратились в **одни вытянутые линии**, летящие по воздуху, и мчится, **вся вдохновенная Богом!**.. **Чудным** звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли”.

“...**Заслышали с вышины знакомую песню**”.

Уж не ангельское ли пение?

“...и, почти не тронув копытами земли, превратились в **одни вытянутые линии**, летящие по воздуху, и мчится, **вся вдохновенная Богом!**..”

Ба! Да кони-то эти **небесные!**

Небесная птица-тройка летит над Русью.

“**Медные груди коней**”.

“**Медный всадник**” у Пушкина... “**Медные груди**” небесных коней у Гоголя...

А в тройке – да, подлец Чичиков.

Но и его ждёт раскаянье: “Сатана проклятый обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил! – рыдает он в отчаянье. – Искусил, шельма, сатана, изверг человеческого рода!”

Но и Чичиков тоже вместе с лирическим героем Гоголя летит над Океаном и уже по одному тому не может оставаться прежним. Как и всякий русский, подлец Чичиков не может не испытывать в этом полёте страх и трепет, ошеломление и восторг. Поток захватывает его, и всё меньше места в душе остаётся мелкому и суетному.

И становится понятным, отчего “**Мёртвые души**” Гоголь назвал поэмой.

III

Мистика Русского Бытия

“Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу”.

Но где же то “чудное, прекрасное далеко”, из которого виделась Гоголю “**бедная и неприятная**” Русь?

Где оно? В какой земле?

Или то “чудное, прекрасное далеко” есть **время**, по необходимости поэтическое? Вневременной “золотой век”, в коем несть ни печали, нидыхания?

И видится Италия, в которой писаны “**Мёртвые души**”. Однако вчитаемся и посмотрим, **верно** ли первое, приходящее нам в голову суждение?

Где эти “**дерзкие дива природы**, венчаные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утёсы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов”?

Где опрокидывается назад голова “**посмотреть на громаздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы**”?

Где блестят “**сквозь наброшенные одна на другую тёмные арки**, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз”?

Где блестят сквозь них вдали “**вечные линии сияющих гор**, несущихся в серебряные ясные небеса”?

Да. Это – Европа: Германия, Швейцария и возлюбленная Гоголем Италия, в которой так легко и вольно писалась поэма в прозе. И показалось поэту при первой же встрече с Римом, будто приехал он на свою родину. “Ро-

дину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде, чем я родился на свет”.

“О России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде”.

А что же Русь?

Всё “бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни...”

“Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца?”

Но несётся Русь, охваченная страшным движением, неведомым миру мистическим потоком.

“Куда несёшься ты?”

Уж точно не по дороге “общественного прогресса”!

“И косясь, посторониваются и дают русской птице-тройке дорогу другие народы и государства”.

Напуганы русской бесшабашной удалью, именуемой “непредсказуемостью”, “угрозой европам”?

“Чур меня! Чур!”

Нет, право, без гоголевской “метафизики России” с мистикой её бытия не обойтись.

“...какая же **непостижимая, тайная сила** влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца?”

“Непостижимая, тайная сила”.

Нечто сверхрациональное, чему нет слов в человеческом языке, а вольное или невольное вторжение в духовные пределы России становится беспощадным экзаменом на подлинность.

И какое дело той волшебной и потайной силе, что властвует над Россией, до “технического прогресса” или “успехов бытоустройства”?

Чуждость России миру — вот что пугает её “партнёров”.

Чувствовал неуют на чужбине и русский человек: “...видишь — и там люди! Также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе...”

“Экзистенциальная” чуждость, как сказали бы философы.

“Беззаконная комета в кругу расчисленном светил”.

Исключительно милостию Божией существующая. И не объяснить немислимое её существование никак иначе. Русский немец Миних понимал это лучше многих природных русаков и нерусских немцев: “Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется непосредственно Самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует...”

Не сподобились объяснить существование Русской земли и сами русские, не раз задумывавшие “обнять всю Россию со всех точек — с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно её великую будущность, словом, всё так и в том виде, как любит задавать себе современный человек”.

А когда принимались за дело всерьёз, то ничего, кроме введения, не выходило, а если и выходило нечто, то сплошь обрывки.

И, быть может, правильно делали учёные люди, что бросали своё занятие, чуя нутром бесплодность своих попыток.

“Мудрость мира сего есть безумие перед Богом”.

Оттого и не удавалась никакая русская философия, ибо сказано: “Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну”.

Зато родилась кажется, из ниоткуда, Литература, и понеслась по свету тройка: “Пушкин—Гоголь—Достоевский”.

*И ахнул мир.
И насторожился.
И “пришипился”.*

Почуял, что погружается в некий неведомый и полный тайн мистический мир, лишь внешне напоминающий мир привычный и освоенный, в котором не действуют давно открытые и кажущиеся незыблемыми законы. И страшно стало ему от этой великой тайны.

“Небесные силы! какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далёкое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!..”

“Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грёзы”. Умеют чувствовать даже русские подлецы, живую душу в себе убивающие: и Карамазовы, и Свидригайловы.

“... и уже опять перед тобою поля и степи, нигде ничего – везде пустырь, всё открыто. Верста с цифрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небосклоне золотая бледная полоса; свежее и жёстче становится ветер: покрепче в тёплую шинель!.. какой славный холод!”

“...Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов...”

“И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух”.

Всё будет. Будут и “богоносцы Достоевские”, и содрогнётся мир от великих и малых инквизиторов.

Но... “видел я нечестивого, превозносящегося и возвышающегося, как кедры ливанские; и мимо прошёл, и вот, нет его, и поискал его, и не нашлось места его”.

“Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа”.

Не вместить его в себя человеческому уму.